

Первая Международная научно-практическая конференция

**АБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ГРАЖДАНСКОГО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА, ГРАЖДАНСКОГО И
АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
УСЛОВИЯХ**

18 ноября 2019 г.

**ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ И ВОЗМЕЩЕНИЕ
УБЫТКОВ В ГК РФ**

«Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры», г. Москва

Юрий Эдуардович Монастырский

При обращении участника экономической деятельности к такому средству защиты, как возмещение убытков, в качестве главного возникает вопрос о нормативной основе соответствующего требования. На первый взгляд эта задача не представляет никакого труда: глава 25 ГК, именуемая «Ответственность за нарушение обязательств» и ст. 15 ГК «Возмещение убытков» содержат правовые положения, регламентирующие условия удовлетворения финансовых притязаний. Вместе с тем они не всегда проистекают из неисполнения обязательств, а иногда даже в отсутствие правонарушения как такового. И посему довольно часто необходимо размышление о том, в какой мере отдельные нормы, содержащиеся в разделе III, подраздела 1 ГК правомерно и может даже уместно должны быть задействованы при реализации любых требований об убытках.

Приходится сталкиваться в нашем правовом дискурсе с употреблением таких фундаментальных правовых понятий, как обязанность и обязательства в качестве синонимов. В строгих правовых публикациях можем обнаружить употребление словосочетаний «налоговое обязательство».

Нормативное различие обязательств и обязанностей зафиксировано в ст. 420 ГК. Сначала устанавливается, что договор – это соглашение об обязанностях, затем в п. 3 статьи приводится фраза о том, что к обязательствам из договора применяются общие положения о них помимо специальных статей. Смысловая трактовка следующая: соглашение регулирует и

обязанности, которые не обязательства и не состоят в «определенных действиях», и это в самом деле так.

Ст. 8 ГК «Основания возникновения гражданских прав и обязанностей» дает следующие, например, причины: события, судебные акты, создание интеллектуальных объектов, приобретение имущества. Вместе с тем в ГК заложена законодательная основа для различения упомянутых терминов. Ст. 307 ГК РФ говорит:

«1. В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности.»

2. Обязательства возникают из договоров и других сделок, вследствие причинения вреда, вследствие неосновательного обогащения, а также из иных оснований, указанных в настоящем Кодексе.»

3. При установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.»

Итак, основания возникновения обязательств могут быть названы только в Кодексе и более нигде. Если телеологически толковать пункт 3 статьи, что основной их характеристикой является предполагаемое единообразное понимание сторонами сути, объема, размера, условий цели обязательств, дающей представление, как сотрудничать ради ее достижения. Требования об убытках в основном по этим параметрам не воспринимаются сторонами одинаково. Должник всегда либо отрицает истребуемые суммы, либо соглашается на их меньший размер. Они могут состоять в соответствии с действующим регулированием в будущих расходах, доходах правонарушителя, в стоимости приготовлений могут нарастать и даже уменьшаться.

Обязательство, возникшее изначально как правовой инструмент и средство осуществления имущественного удовлетворения, затем усиленное институционными способами обеспечения исполнения, таких как: залог, неустойка, поручительство, удержание, гарантия, обеспечительный платеж, теперь само стало важной коммерческой ценностью и самым главным объектом оборота в виде прав требования исполнения обязательств. В любом случае

это имущественное благо, операции с которым увеличились за последние годы в сотни раз. На заре цивилизации обмен происходил путем отчуждения материальных объектов. Обязательства могут иметь любые дополнительные условия: отменительные, отлагательные и прочие (ст. 157 ГК).

Убытки – стоимость нарушенного субъективного права, в т. ч. правомерными действиями. Ст. 307, 1064 ГК говорит о том, что нанесение вреда, совершение деликтов порождают обязательство по исправлению вреда: замене вещей, устранению дефектов, к имущественному восстановлению. Когда нарушено имущественное субъективное право, нельзя сказать, что кредитор либо должник получает какую-либо ценность. Сутью возникающих отношений выступает здесь восстановление имущественного состояния, где существует только обязанность по неусугублению убытков, и отказаться от возмещения нельзя, оно только может быть снижено договором (ст. 15 ГК РФ).

Возмещение убытков выступает альтернативным средством правовой защиты (ст. 1082 ГК). В «Принципах европейского деликтного права» (2002 г.) причинение вреда порождает сразу же ответственность в виде обязанности выплатить денежную компенсацию потерпевшему с целью восстановить насколько это возможно с помощью денег его первоначальное положение, однако вместо выплаты убытков потерпевшая сторона может потребовать возмещения вреда в натуре, при условии, что это возможно и не слишком обременительно для другой стороны.

Размежевание обязательств и убытков оказалось неизбежным и заданным логикой регулирования в свете необходимости доказывать размер права требования. Установление стоимости обязательства не часто сопровождается разногласиями. «Определенное действие», которое составляет суть обязательства по ст. 307 ГК, предполагает единство в понимании его идеальных характеристик. На базе возможного различия и претензии в ненадлежащем исполнении и появляется спор об убытках и другое почти всегда дискуссионное требование. Его существование, природу, структуру, содержание нужно доказывать. С экономической точки зрения это не могло не сообщить разный режим этим правам. Одни из них должны быть пущены в свободное плавание и усилены страхующими механизмами встречного исполнения, способами обеспечения, более облегченным оборотом, это выражается в понятии будущих требований, отсутствии дополнительных формальностей по передаче и т. п.

В текст ГК внесено уточнение о необходимости единообразного понимания цели исполнения обязательств (п. 3 ст. 307 ГК). Исходя в основном из их статичности, определенности, их

понятного размера, большей надежности их погашения и сотрудничества сторон, в отсутствие которого их иногда невозможно реализовать.

Другие требования об убытках не могут быть тождественны уже потому, что они возникают из односторонних представлений об их стоимости, правомерности, законности, надлежащих собственных мерах по их уменьшению. Безраздельное задействование способов обеспечения здесь невозможно по той причине, что часто будет возникать вопрос об их правовом существовании из-за имманентным им свойствам акцессорности (п. 4 ст. 329 ГК). Вместе с тем там, где неисполнение обязательства односторонне трансформируется в возложение убытков, обеспечивающие инструменты необходимы. Желательны корректировки в главу 23 ГК РФ о том, что к требованиям об убытках применимы обязательственные механизмы поддержки и обеспечения, но не все и в той мере, в которой они совместимы.

Возмещение убытков в особых обстоятельствах, иные обещания оказывать содействие, осуществлять информирование, использовать конкретный электронный адрес для переписки, – это вспомогательные обязанности, лишенные имущественного содержания. Это не обязательство. Их игнорирование может заключаться в вине и небрежности общего порядка, принудительное исполнение по суду здесь не происходит.

Судебной практике не удалось пока прийти к единообразному мнению о том, что требование об убытках не является обязательственным, и ст. 328 ГК к таким правоотношениям неприменима. Вместе с тем, как мы знаем, некоторые из наших ведущих правоведов вполне уверенно говорят о том, что нарушение договора порождает именно обязательство, правовой режим которого определяется разделом III Гражданского кодекса. И умозрительно это, возможно, так и есть, поскольку, как мы знаем, требования об исполнении обязательств могут переходить в силу суброгации к страховщику и т. д.

Известные юристы XIX в. такие, как: Синайский Василий Иванович, Иосиф Алексеевич Покровский, Константин Петрович Победоносцев писали о возникновении именно обязательств «вознаградить за вред и убытки». Известный советский цивилист Михаил Михайлович Агарков говорил о том, что требование возмещения убытка является обязательственным.

Полагаем, что это было верно при той нормативной базе, которая существовала в советское время. Теперь же, особенно после 8 марта 2015 года, регулирование обязательств в значительной степени детализировано, и не все нормы могут распространяться на требование возмещения убытков.

Рассмотрим применимость положений главы 22 ГК к требованиям о возмещении убытков. Новая статья 310 ГК теперь позволяет обусловить заранее отказ от исполнения обязательств коммерческой структуры. Если ст. 310 ГК будет распространять свое действие на убытки, то это означает отказ от права, легитимизацию возможности заранее выговорить уход от ответственности даже за грубую неосторожность, (п. 4 ст. 401 ГК освобождение за умысел запрещает) что будет подрывать институт убытков и означать утрату его роли.

Ст. 311 ГК говорит о том, что кредитор вправе не принимать исполнение обязательств по частям, то есть любое разногласие о сумме всех убытков, дает повод не принимать исполнение и усугублять просрочку. «Кредитор вправе не принимать исполнения обязательства по частям, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами, условиями обязательства и не вытекает из обычаев или существа обязательства» и может отвергаться в полной мере.

Если требования возмещения убытков составляют обязательство, то оно финансовое. Уместно также отметить, что в ст. 313 ГК говорится о том, что погашение денежного обязательства третьим лицом означает суброгацию и способно породить хаос среди дел о возмещении убытков, так как легитимизирует появление третьего лица, которое уплатило убытки в полной сумме и начинает требовать эту же величину с должника. В отличие от договорной уступки, где условием является значительная скидка от номинала требования, здесь размер и конфигурация притязания сохраняются, но его, как правило, спорный характер лишает эту операцию экономического смысла, и легко побуждает к злоупотреблениям, произволу сильной стороны.

Должник вправе исполнить обязательство ранее его созревания, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или условиями обязательства либо не вытекает из его существа. Однако досрочное исполнение обязательств, связанных с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, допускается только в случаях, когда возможность исполнить обязательство до срока предусмотрена законом, иными правовыми актами или условиями обязательства либо вытекает из обычаев или существа обязательства (ст. 315 ГК РФ). Таким образом, притязание на вменение убытков, если будет основываться на упомянутой статье без напоминания об исполнении, вообще может не приниматься кредитором.

За исключением процессуальной претензии, предшествующей подаче иска в арбитражных судах, никогда не посылается уведомление о погашении возникающих убытков, и тогда не начинает течь исковая давность, что означает, что таковые претензии становятся вечными, что

вряд ли имелось в виду законодателем (п. 2 ст. 314 ГК). Отсюда видно, что данная норма об исполнении обязательств к присуждению убытков не применима.

Однако более всего неприложимость обязательственного регулирования к обстоятельствам убытков явствует из ст. 328 ГК, которая устанавливает:

«...при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что ... исполнение не будет произведено в установленный срок, сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе ... отказаться от исполнения этого обязательства и потребовать возмещения убытков»

Предположим, в договор внесена запись о том, что исполнение по нему обладает свойством встречности по отношению к устранению последствий убытков. Тогда любая односторонняя оценка и претензия о компенсации ущерба способна разрушить принцип *pacta sunt servanda*, фундаментального для правовой системы континентального типа.

На рынке юридических услуг широкой известностью пользуются дела против крупных производителей дорогих или люксовых автомобилей. После аварий, якобы происходящих из-за дефектов, их состоятельные и изобретательные владельцы при помощи своих «пытливых» юристов требовали возврат покупной цены, а затем, получив её, отказывались возвращать автомобиль, говоря о том, что такое исполнение носит характер встречного по отношению к возникшим у «потребителя» еще и убыткам.

Каким образом в деле об убытках можно опереться на главу 23 ГК «Способы обеспечения исполнения обязательств»? Мы видим, что, скорее всего (а мы говорим «скорее всего», потому что окончательных разъяснений высшей судебной инстанции или уточнений в Гражданском кодексе пока не имеется), она также трудно применима. Основными способами являются: неустойка, залог, удержание, поручительство, задаток, гарантия, обеспечительный платеж.

Применим ли к требованию о возмещении убытков залог? Очевидно, нет, потому что существенным условием договора здесь является величина обеспечиваемого обязательства (ст. 339 ГК). Размер убытков подвижен, динамичен, не определим соглашением сторон, а имеет оценочную природу.

Задаток и обеспечительный платеж трудно привязать по этим же соображениям к требованиям об убытках. Таким образом, мы видим, что несмотря на предпринятые усилия реформы обязательственного права, соотношения ответственности, главным видом которой является

возмещение убытков, и обязательств, требует определенности. Их отождествлять в современных реалиях более сложного имущественного оборота бессмысленно и неразумно.

Самым главным способом обеспечения исполнения обязательств является неустойка, то есть денежная сумма, выплачиваемая за их несоблюдение. Она соизмеряется с убытками. Если они составляют стоимость обязательства, то штраф (пеня) за их непогашение также может, на первый взгляд, предусматриваться в соглашении. Достаточно указать в нем, что за некомпенсацию возникших убытков в течение определенного срока нарушитель выплачивает неустойку, чтобы такое требование поддерживало по букве волеизъявления это универсальное средство правовой защиты.

Мы уверены, что претензия об упомянутом переводе средств будет являться незаконной, поскольку несение бремени убытков обладает другой природой, чем обязательства. Их неисполнение позволяет задействовать замещающий инструмент – возмещение убытков, размер которых задан, в первую очередь, режимом неисполнения. При расторжении, выходе из договора, его прекращении, вследствие существенного нарушения убытки – это стоимость обязательства плюс неполученное и/или будущие расходы. Но основным является денежный эквивалент упомянутого обязательства, которое прерыванием договорных отношений прекращается. Без конвертации обязательства именно в убытки, последние обычно составят гораздо более маленькую величину.

Институт неустойки соизмеряется с убытками, а не с размером, стоимостью, величиной неисполнения требования о погашении убытков, скажем, упущенной выгоды. Как не может быть имущественного права на «право», а не на вещь, так и не должен существовать правовой субститут убытков в результате непогашения убытков. Рассмотрение основанных на неправильной правовой логике исков внесет только хаос в понимание предназначения убытков, которые подлежат судебному контролю, и не могут основываться на односторонних «дутых» оценках.

Такое средство обеспечения правовой защиты, как удержание, таким же образом не сочетается с требованиями об убытках. Согласно абз. 2 п. 1 ст. 359 ГК РФ, предприниматели вправе удерживать вещь, подлежащую передаче как обеспечение требований, возникших из обязательств, даже не связанных с держанием вещи. Если бы они (обязательства) также обнимали правовую категорию убытков, то тем самым возникла бы почва для произвола, когда любое поверхностное восприятие о текущих потерях дает основание удерживать материальное имущество. К нему относятся: наличные денежные средства, векселя, вода, газ

и прочее, а не только классические предметы, имеющие вес, форму и протяженность в пространстве. Конечно, суды сами должны решать окончательно и постановлять о справедливости односторонних оценок, но для этого нужны сроки. Еще важнее единообразное понимание участниками экономических связей ключевых вопросов регулирования, в частности, представление о том, что односторонняя декларация об убытках отнюдь не делает ее авторов кредиторами по обязательству автоматически и не позволяет им пользоваться всем арсеналом обеспечительных мер по обязательствам, тогда это малоприменимое средство правовой защиты трансформируется в инструмент злоупотреблений и манипуляций, превращаясь таким образом из табакерки в чертика.

Процесс постепенной либерализации договорных связей, тщательного и осторожного введения в употребление отдельных возможностей выхода из договора пойдет в РФ по, скорее, неправовому пути.

Возьмем перемену лиц в правоотношениях путем договорной и законной уступки требования – суброгации, либо перевода долга. Далее поручительство обеспечивает исполнение обязательств. Кредитор может расторгнуть договор и требовать убытки, но ст. 363 ГК говорит о взыскании поручителем после исполнения своей части долга «и иных убытков». Но получается, и «иных» здесь лишнее уточнение, требуется всего лишь поставить слово «или». Тем более, что статья называется «Ответственность поручителя», хотя он связан договором, исполняет обязательства за должника и получает это же требование по суброгации этих и других убытков.

Обязанность, а не обязательство, заключается в избежании последствий ст. 404 «Вина кредитора». Когда в зависимости от ее проявления и степени уменьшается размер присуждаемых убытков. Иск о воздержании от проявления вины на основе п. 6 ст. 393 немыслим, т. к. относится к области обязательств. Несовершением определенных действий здесь не соблюдается обязательство, но обязанность. За такую необходимую пассивность не должна наступать классическая ответственность как за непогашение обязательств. Иски о упреждении и запрете проявлять вину не имеют нормативных оснований. Вместе с тем не во всем проявляется удовлетворительная юридическая техника некоторых статей, например, о солидарных обязательствах – ст. 322 ГК. В ней говорится об обязанностях (ответственности), когда в обязательстве выступает несколько должников или кредиторов, сразу приходится при размышлении иметь в виду, что требования об убытках здесь подразумеваются.

С другой стороны, ст. 322 ГК говорит о требованиях по обязательству, включая связанные с предпринимательской деятельностью, и далее указывается, что они могут вытекать из условий обязательств. Статья регулирует в первую очередь возмещение убытков за неисполнение, также когда выгодоприобретателем является несколько лиц. Вместе с тем она называется «Солидарные обязательства», хотя в ней говорится еще и о множественности кредиторов. Как мы видим, титул статьи 322 неправилен, а не то, что неточен, и он нуждается в следующем наименовании: «Солидарная ответственность и права требования ее несения за неисполнение обязательств» и должна быть помещена в главу 25 ГК.

Часто используется чей-то товарный знак, и схожие средства индивидуализации применяются в обороте, и обязательства, заключающиеся в определенном действии, не возникают. Правда скажут, что тем самым совершается деликт – причинение вреда имуществу, но результат интеллектуальной деятельности ГК не называет более этим именем. Теперь это не имущество, и, соответственно, к нему не может применяться глава 59 ГК. Предусматривается такое средство правовой защиты, как возмещение убытков, которое главенствует, поскольку восстановление в натуре невозможно, так как нарушающие действия совершены, и обогатился, например, правонарушитель.

Ст. 416 ГК «Прекращение обязательства невозможностью исполнения» неприменима, деньги как всеобщий эквивалент платить не представляется невозможным, так как посредством кредита, продажи имущества и т. д. средства всегда можно аккумулировать и совершить перевод для компенсации убытков контрагента или кредитора.

Смерть должника не прекращает требование об убытках, которое переходит по наследству. Имущество, передаваемое в порядке правопреемства, включает обязанности, а не обязательства, возникающие не только из сделок, причинения вреда, неосновательного обогащения, но и по другим основаниям, в том числе в силу возникновения убытков. Это бремя несут правопреемники в наследственных долях. Решая задачу определения соотношения понятия «обязанность» и «обязательство», мы наблюдаем действие закономерной дифференциации регулирования по мере усложнения имущественного оборота, когда возникает необходимость дать нормативную базу деталям, новым массовым проявлениям и значимым сторонам важных правовых категорий.

Также считаем, что имеется устаревшее урегулирование п. 2 ст. 414 ГК. Новация и замена одного обязательства другим распространяется на так называемые дополнительные обязательства. Данный термин непонятен, так как если бы его не было, то новация все равно

вела бы к эффекту аннулирования любого прежнего обязательства. В доктрине, как упоминалось, этим именем иногда называется обязанность несения чужих убытков. Разумеется, последующее соглашение может реструктуризировать какие угодно долги.

Новация – это не безвозмездная операция, так как она не только порождает новые обязательства, но и требования, и потому она не порождает дарение, запрещенное между коммерческими организациями (п. 3 ст. 572 ГК). Соотношение ее со ст. 407 о том, что договором можно предусмотреть погашение обязательства по одностороннему волеизъявлению должника, как раз подчеркивает, что это же самое нельзя сделать с требованием об убытках между предпринимательскими организациями в силу ст. 572 ГК и любыми другими субъектами по причине ст. 15 ГК. Если бы бремя чужих убытков было бы обязательством, то специальная ст. 407 ГК разрешали бы такую возможность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обсуждаемые вопросы являются интересными, злободневными и заслуживают тщательной проработки и обсуждения. Дальнейшее совершенствование нормативной основы взыскания убытков должно идти по пути более подробной регламентации того, какие понятия обязательственного права действуют при рассмотрении требования об убытках. Нормы раздела III ГК могут применяться отсылочно, на что необходимо сделать указание в Гражданском кодексе, например, как это было записано в п. 3 ст. 307.1 ГК о том, что общие положения об обязательствах применяется к корпоративным правоотношениям, а также к последствиям признания сделки недействительной.